

Никовская Л.И. д-р социол. наук
nikovsky@inbox.ru

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
кафедра государственного управления и публичной политики
Россия, Москва

DOI: 10.24153/2079-5912-2020-11-5-31-42

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ

Аннотация: В статье рассматриваются социологические аспекты анализа политической конфликтности, связанные с социально-структурными и субъектными основаниями политических процессов и отношений. Показано, что многие проблемы и противоречия социальной сферы, такие как социальная поляризация, избыточные неравенства, бедность и нарушение принципов социальной справедливости, депривация базовых потребностей и интересов, неустойчивая трудовая занятость существенно детерминируют поле политики и проецируются на объект и предмет политической конфликтности, утяжеляя их течение и позитивные исходы. Неразрешимость социальных проблем и противоречий, их капсулирование вызывают либо снижение интереса населения к политике, к действенности институтов демократии, способствуют расширению пропасти между «частным» и «общественным», порождают ощущение политического отчуждения и бессилия, либо толкают к удовлетворению базовых потребностей за пределами существующих социальных норм и политических институтов, к деструктивным формам разрешения политических конфликтов, что ведет к потере управляемости обществом и социальной катастрофе. Социологический анализ субъектного среза конфликтного взаимодействия показывает, что конфликт, основанный на групповых интересах (в сравнении с классовым и элитистским) более способствует поддержанию динамического равновесия в обществе и реализации позитивного потенциала политического конфликта, так как отличается гибкими внутригрупповыми связями и подвижными межгрупповыми барьерами в общественно-политической системе. Классовые и элитистские модели конфликта более тяготеют к вертикальной поляризации общества, что усиливает «разрывные» линии взаимосвязи «верхов» и «низов», делает жесткой дихотомию «господство-подчинение» и снижает возможности диалоговой пластичности и гибкости политической системы.

Ключевые слова: социальная структура, стратификация, социальная поляризация, социальный субъект, класс, социальная группа, элиты, социальное неравенство, социальная справедливость, потребности, общественные интересы, депривация, маргинализация, бедность.

Социологический подход к исследованию политики связан в первую очередь с исследованием социально-структурных и субъектных оснований политики, особенно в условиях кризиса, учитывающего различные интересы, которые определяют состояние социума. Современная конфликтологическая парадигма, в рамках которой анализируется политический конфликт, органически связана с признанием дискурсивного характера теоретического знания и переходом к «рефлектирующей политике», суть которой не в доминировании силовой аргументации, а в превентивном учете интересов различных сторон. Этот подход подчеркивает роль социальных оснований общественно-политических изменений, позволяя рассматривать совершающиеся общественно-политические события сквозь социологическую призму, учитывающую, прежде всего, вопросы многомерности и значимости социальной структуры и стратификации общества, проблемы неравенств и справедливости, порождаемые ими, особенности социального поведения субъекта, его потребности и интересы, их взаимодействия и динамику. Социологический подход к исследованию политических конфликтов восстанавливает субъектность социальных противоречий, позволяет изучать и осмысливать их как реальную борьбу реальных социальных субъектов, относительно самостоятельных и независимых в своих устремлениях и самоопределении, интересах и целях, направленных на удовлетворение потребностей, определяемых особенностями их жизнедеятельности, их наличного социального бытия. И на основе этого осмысления определять и обосновывать пути и средства придания этой борьбе позитивного характера и форм, позволяющих принципиально разрешать составляющие их основу противоречия. Политическая конфликтность сосредотачивает свое внимание на проблемах власти, столкновения интересов, строения и динамики публичного поля, соотношения сил в конкретном обществе, проблемах гражданского общества, массового сознания и лидерства. Политическая деятельность при этом рассматривается не в качестве пассивного выражения социально-экономических интересов или обнаружения указанных объективных законов, а в качестве творческой, креативной силы, создающей новую реальность. Именно субъективная составляющая общественного процесса, массовых действий, повседневной человеческой активности является сегодня наиважнейшим предметом и теоретического анализа, и практического действия по реконструкции социальной структуры и отношений. Что же касается социальных институтов, организаций и подобных образований, то все они – инструменты, средства, орудия деятельности социального субъекта, так как именно последний является реальным источником социальных процессов и изменений. По мысли В.А. Ядова, «именно субъектная составляющая историческо-

го процесса, массовых действий, повседневной человеческой активности, то есть решительно во всех ее проявлениях, является сегодня наиважнейшим предметом и теоретического анализа, и практического действия перестройки косных социальных структур и отношений, потому что именно социальный субъект превращает объективную реальность в живой исторический процесс, своими действиями производит историю. При этом в широком смысле социальный субъект – это и человечество, и классы, и народы, и территориальные общности, и коллективы, и малые группы, и, наконец, личность как социальный субъектотип»[26].

Сегодня многие противоречивые явления российского общества связаны с процессами имущественного расслоения, чрезмерной классовой дифференциацией. Социальная напряженность порождается социальной поляризацией. В этой связи особо встает проблема класса как субъекта социальных процессов и классовой модели социального конфликта. Обобщая существующие в западной социологии подходы к определению понятия «класс», следует отметить, что оно широко используется при построении различных моделей *вертикальной стратификации общества*. Конкретными индикаторами классовой принадлежности являются профессия, образование, доход, властные полномочия, социальный престиж, но акцент все-таки делается, по крайней мере, авторами таких обобщающих трудов, каковыми являются Дж. Тернер, Н. Смелзер, Э. Гидденс, на имущественных отношениях, владении собственностью. «Владение состоянием, особенно капиталом, – пишет А. Гидденс, – главное различие в классовой системе»[6]. Применительно к российским реалиям, судя по глубоким прикладным исследованиям, классические западные традиции изучения стратификации слабо применимы, в том числе и неомарксистские, и неовевберинанские[15]. Причина этого явления в особой роли государства вообще и многочисленного государственно-административного аппарата, в частности: «Противостояние общества и чиновничества как особого класса общества осознается рядовыми россиянами и даже самими чиновниками. Не случайно все население, от рабочих до представителей крупной буржуазии, гораздо чаще в числе наиболее острых конфликтов российского общества называет конфликт между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися, нежели конфликт между трудом и капиталом («собственниками предприятий и наемными работниками»). Более того – острота противостояния государственного аппарата и остального общества год от года растет»[21].

Западные исследователи справедливо отмечают основную плодотворность классовой модели конфликта, поскольку «в нем есть очень ценный поиск доминантного размежевания.»[2], который наряду с целым рядом субордини-

рованных размежеваний выделяется как доминирующий. И, как подтверждают результаты эмпирических исследований, такое доминантное размежевание в современной России проходит по линии отношений между административно-бюрократическим началом власти и обществом: «...во всех без исключения группах опрошенных чиновников господствует убеждение, что российская бюрократия в первую очередь заинтересована в сохранении и постоянном увеличении своего богатства и влияния. Причем среди тех чиновников, которые считают, что бюрократия – особое сословие со своими интересами, доля полагающих, что эти интересы связаны с расширением своего влияния и закреплением собственного привилегированного положения, составляет половину. В этих условиях вполне естественной выглядит вторая причина, обуславливающая неприменимость всех традиционных для западных исследований стратификации концепций к российским реалиям – тотальная коррумпированность практически всей экономики, и особенно – государственного аппарата. Кроме того, это означает, что, понимая специфику интересов российской бюрократии как особой социальной группы, сами чиновники видят эту специфику прежде всего в сохранении и постоянном увеличении бюрократией своего влияния и власти, защите собственных классовых интересов»[21].

Теория классового конфликта, опирающаяся на признание приемлемости и даже полезности социальной дифференциации для нормальной жизнедеятельности и развития общества, жестко ставит вопрос о допустимых пределах социально-структурных различий, возможности согласования интересов, без которых начинаются деструктивные конфликтные процессы. Для нашего общества особая актуальность этой проблемы обусловлена рядом причин. Во-первых, имущественное расслоение усиливается, темпы разрыва в доходах ускоряются. Особенностью социальной дифференциации является то, что изменились ее критерии. Большинство отечественных специалистов, занимающихся в последнее время исследованием проблем социальной структуры (З.Т. Голенкова, Л.А. Гордон, Т.И.Заславская, Н.Е. Тихонова и др.), убеждено, что в качестве основного, структурирующего критерия у нас выступают не собственность сама по себе, квалификация, образование, престиж профессии, как в западных странах, а прежде всего уровень материального благосостояния, определяющий объективно и субъективно воспринимаемый социальный статус в обществе. Во-вторых, расслоение в России происходит по модели усиления поляризации социальной структуры и снижения возможностей восходящей социальной мобильности: «Социальная структура России становится всё более «закрытой», а основания для занятия верхних статусных позиций в ней всё меньше согласуются с меритократическими

принципами и представлениями россиян о социальной справедливости..., в современной России происходит всё большее закрытие верхних слоёв населения. При этом идёт поляризация не просто населения, а прежде всего молодёжи. Очень высокие показатели самовоспроизводства полярных групп, а также растущая поляризация молодёжи – довольно опасные по своим социально-политическим и экономическим последствиям тенденции, которые неизбежно приведут к делегитимизации существующего в России общества в глазах населения страны. Более того – они сыграют негативную роль и в экономическом развитии нашей страны, поскольку будут демотивировать людей в стремлении достичь успеха собственными усилиями, способствуя скорее развитию у них патерналистских ожиданий. Всё это является важными особенностями тех рамочных условий, которые будут предопределять развитие российского общества в среднесрочной перспективе»[23]. В-третьих, среди населения очень устойчивы эгалитарные настроения. Это выражается, в частности, в признании нормой доступности бесплатного медицинского обслуживания, образования и пр. Тревоги и опасения по поводу развития коронавирусной пандемии эти настроения усилили существенно, выдвигая, например, в повестку дня формирование системы общественного здравоохранения. В-четвертых, призывы правящего режима к социальному миру и согласию предполагает соблюдение ряда требований. В частности, поддержания оптимума социальной дифференциации. Границы этого оптимума не являются общепринятыми. Они зависят от уровня социально-экономического развития, а, следовательно, и материального благосостояния людей, их представлений о социальной справедливости. Не меньшее значение имеет выработка, законодательное оформление и введение в социальную практику социальных процедур, направленных на согласование интересов, достижение социального партнерства, как в тред-юнионистском, так и межсекторном форматах.

Классовая модель конфликта в кризисных условиях актуальна не в последнюю очередь постановкой вопроса о судьбе среднего класса. По мысли социолога из университета Люксембурга, Луи Шовеля, модель общества среднего класса сдает свои позиции во многих европейских странах[9]. Снижение покупательной способности зарплат во Франции, на фоне повышения роли владения имуществом, приводит к социальной напряженности. Движение «желтых жилетов» явилось одним из следствий этого процесса. Аналогичная ситуация и в России. Известный исследователь среднего класса Тихонова Н.Е. констатировала, что за последние 5 лет происходит падение его благосостояния, усиление внутри него поляризации, социальной неустойчивости[21]. А кризис, вызванный пандемией коронавируса,

больней всего отразится на судьбе российского среднего класса. Негативные последствия социального сжатия среднего класса скажутся на качественном состоянии всего общества, поскольку именно он в большей степени обладал стабилизирующей ролью, выступая на микроуровне тем «социальным клеем», который объединял между собой различные слои общества, из которых он сам и вышел, генерируя активно контакты как с представителями наиболее обеспеченных слоев общества, так и бедных слоев, вписывая их в единый социальный континуум и препятствуя их окончательному закрытию и противопоставлению. Помимо этого он способствовал снижению градуса применения насилия в социуме, сглаживанию наиболее острых противоречий социально-экономического характера [20].

С вступлением общества на стадию постиндустриального развития групповая самоидентификация индивидов приобретает мозаичный характер, обусловленный выдвиганием на первый план множества самых разных критериев. «Народ» и «класс» начинают уступать место представлению о совокупности граждан и социальных групп, чьи права должны быть соблюдены в партнерских взаимоотношениях с другими социальными группами и гражданами, а не в конфликтном противостоянии. Отсюда и в теории общественного развития происходит смещение акцента с унифицированного регулирования жизни общества на основе систематически определяемой воли господствующего класса к анализу особенностей жизнедеятельности и взаимодействия различных социальных групп. «Место политических партий занимают специфические интересы и образующиеся вокруг них социальные движения; индивиды не «принадлежат» какой-то одной группе, но меняют свою «принадлежность» в зависимости от того, насколько важной оказывается для них та или иная проблема в то или иное время», - подчеркивает Р. Дарендорф [8]. Классовые модели конфликта все более начинают стремиться к плодотворному сотрудничеству с групповыми теориями конфликта, поскольку дихотомичное мышление утратило свое однозначное положение в связи с приоритетами социальной мобильности и формированием группового сознания. По мысли Клауса фон Бейме, дескриптивная ценность групповой теории остается высокой вплоть до сегодняшнего дня.

Групповой подход развивался как конфликтная теория. А. Бентли под влиянием немецких социологов, таких, как Ратценхофер, Гумплович и Зиммель в своей работе «Процесс государственного управления» представил теорию политики как групповую борьбу[3]. Именно концепт группы позволил Бентли истолковать по-новому не только политический, но и весь общественный процесс. Ученик Бентли Д. Трумен в своей работе «Управленческий процесс. Политические интересы и общественное мнение»[34] во многом

развил идеи своего учителя, хотя не стремился создавать общую политическую теорию и был более конкретен в определении групп интересов. Под ней он понимает любую группу, имеющую один или несколько общих интересов и выдвигающую ряд требований к другим группам для установления, поддержания или укрепления норм поведения, которые определяются общностью взглядов данной группы. В 1970-е гг. модели множества конкурирующих групп стала противостоять модель неокорпоративизма с тремя четко определенными субъектами – государством, предпринимательскими союзами и профсоюзами, которым приписывалась значимая роль в урегулировании социальных конфликтов (особенно в Скандинавии, где вообще заговорили о «свободном корпоративизме») [2]. К. фон Бейме справедливо указывает, что корпоративисты и «плюралисты» выросли из одного корня – теории групп интересов. Но они различались в трактовке роли и места государства. Группы интересов имеют в корпоративной модели не только влияние на политические решения государства, но и в формулировании, разработке и реализации государственных решений и законодательных проектов на всех этапах принятия решения. Однако к концу XX столетия она все больше стала эволюционировать в сторону бюрократизации и усиления иерархических начал. Новые групповые субъекты общественных процессов не вписывались в такую схему взаимоотношений и открыто противостояли ей[18], поскольку корпоративистский подход рассматривал наиболее влиятельные группы – бизнес и труд, и в этом смысле оставлял в тени множество других участников политического процесса, которые сегодня противопоставляют корпоративизму в политике и хотят строить свои отношения с государством, не руководствуясь иерархическими отношениями.

Использование модели конфликта групп весьма актуально и для анализа процессов изменения российского общества. Степень «укорененности» этой модели могла бы свидетельствовать о глубине демократизации российского социума, о значимости горизонтальных связей и солидарностей, и, наконец, об укреплении позиций гражданского общества в его взаимодействии с государством. Социальная дифференциация современного общества в России развивается медленно, но неуклонно в направлении большего разнообразия социальных субъектов, которые в новой общественно-политической обстановке обретают свою идентичность и влияют на трансформационные процессы, особенно с учетом фактора формирования сетевого общества. В этом отношении отечественными социологами и политологами сделано немало. Следует выделить исследовательский подход Н.И. Лапина, который в рамках проекта «Изменение ценностей и формирование групп интересов в России на исходе XX века», рассматривал не столько поли-

тический аспект групповых интересов, сколько осуществление новой общественной дифференциации в повседневной жизни, становление групп интересов как одной из ее массовых форм. В таком понимании группа интересов приобретает у Н. Лапина значение «социокультурной ячейки возрождающегося гражданского общества»; значение «социального субъекта, основная функция которого состоит в институализировании новых интересов граждан России»[12]. Вопрос о группах интересов анализировался в связи с проблемой политического измерения гражданского общества[7]. Интересны в этом отношении исследования известного специалиста в области корпоративизма С.П. Перегудова, который в соавторстве с Н.Ю. Лапиной и И.С. Семеновко провел изучение динамики взаимодействия государства и общества с точки зрения различных групп интересов. По мнению авторского коллектива, именно группы интересов играют в России все большую роль, и характер их отношений с государством не просто определяет складывающуюся систему власти, но и вектор трансформационных российских процессов[17]. Отдавая себе отчет в неисчерпаемости проблематики «интересов», авторы сочли целесообразным включить в круг рассматриваемых ими групп лишь те, которые, с их точки зрения, являются наиболее представительными для данного типа организаций современной России и позволяют достаточно адекватно высветить отношения заинтересованных групп и государства и различные модели этих отношений, а именно – групп интересов нового российского бизнеса; - «социальных интересов» - добровольческих ассоциаций и профсоюзов; – региональных заинтересованных групп. Но акцент все же авторы сделали на группах социально-экономического характера (бизнес) как ключевом, центральном звене всех заинтересованных групп, и той форме взаимоотношений, которую принято называть системой функционального представительства интересов (корпоративизм). Исходя из этой диспозиции, авторы вполне логично сделали вывод о неравномерности участия групп интересов в системе представительства интересов. Политический вес различных категорий заинтересованных групп смещен в пользу олигархических группировок большого бизнеса и региональных групп, тогда как влияние структур, представляющих другие интересы (прежде всего - социальные ассоциации и группы), несопоставимо меньше. Данную проблему поэтому можно переформулировать шире – как проблему становления гражданского общества, его сформированности и консолидированности во взаимодействии с государством. Процесс формирования групп интересов далеко еще не завершен и остается открытым, и само государство не отличается зрелостью взаимодействия с многочисленными группами. Следовательно, как сами эти группы интересов, так и сами инсти-

туты государства еще не достигли определенной зрелости для ведения конструктивного и широкого диалога.

В политической социологии особое место занимает авторитарно-консервативная модель конфликта[31], суть которой заключается в критике либеральной парламентской демократии и в противопоставлении друг другу руководящей элиты и масс, а также в разработке соответствующего способа разрешения конфликтов между ними. До XIX века понятие элита в общественных науках не использовалось широко. Только на рубеже XXI – XX вв. В. Парето, Г. Моске, Р. Михельсу удалось более предметно и конкретно сформулировать социально-философскую концепцию элиты, которая выступает важным пунктом социально-политических исследований общества [13; 16; 33]. Дихотомичные конфликтные теории элит находятся в более осознанной конфронтации с Марксовым классовым учением. Теория элит возникла из скепсиса разочарованных либералов (Г. Моска) и стала важной объяснительной схемой для правых политических групп. Иными словами, теория элит выросла из кризиса предшествующих классификаций государственных форм, предлагавшихся государственно-правовыми и политико-правовыми учениями. *Способ, которым правит организованное меньшинство, оказался более важным, чем формальные конституции.* Недаром, проблематика элиты дискутировалась, прежде всего, в тех странах, где демократические традиции были самыми слабыми: в Германии и Италии. В. Парето по-настоящему узнали в Америке лишь после Второй мировой войны. Единой теории элит и единого понимания термина «элита» в общественных науках не существует до сих пор. Можно лишь утверждать, что практически все исследователи сходятся только в одном – в постулировании объективной реальности элитных слоев и необходимости их изучения для понимания процессов социальной динамики общества. Во всех других аспектах между ними больше разногласий, чем единства. Поэтому нам представляется продуктивным следующее определение элиты: – это не просто те, кто обладает богатством, аристократическим происхождением или потенциалом власти, а являются действующими субъектами, оказывающими прямое или косвенное влияние на принятие важнейших решений, за счет чего они и занимают соответствующее положение в обществе. Данное определение предполагает соединение институциональных и поведенческих (субъектных) направлений в изучении элиты[1]. Среди авторитетных отечественных исследователей можно выделить фигуры Д. Бадковского, О. Крыштановской, Ю. Коргунюка. Глубокое и системное осмысление феномена элиты представлено в работах О.В. Гоман-Голутвиной[5], проследившей развитие элит в России на протяжении многих веков отечественной истории.

Автор выделяет в качестве основной особенности элит в различные периоды российской истории их тесную взаимосвязь с государством, что предопределяет ее государственный характер. Для нас интересна мысль автора о связи специфики субъектного поля политики с особенностями моделей рекрутирования элит и типов развития социума. Особо подчеркивая, что политическая элита формируется в лоне государственных структур, исследователь констатирует, что состав политической элиты во многом совпадает с высшим эшелонem административно-политической бюрократии. Это же обуславливает преимущественно монолитный характер организации политической элиты в подобной системе власти: монополия государства на политическое управление предопределяет относительно гомогенную структуру правящего класса. Важнейшей особенностью новой российской модели элитообразования является, по мнению исследователя, «растворение» интересов государства в партикулярных интересах и высокая степень «приватизации» институтов государства и гражданского общества кланово-корпоративными структурами, претендующими на замещение государства и выполнение его функций.

Обобщая, можно сказать, что современный капитализм не только не устраняет, но и углубляет социальное неравенство в распределении прав индивидов. Появление новых низко статусных и мало ресурсных групп (андеркласса и прекариата) обнаруживает противоречие между легитимной системой демократических прав и сужающимися возможностями восходящей мобильности, основанной на меритократии... Андеркласс и прекариат обозначают линию разлома, по разные стороны которой расположены преуспевающие и депривированные слои как факторы процесса дихотомизации западного социума [15].

В современной России мы имеем налицо многомерное, сложное, иерархически организованное социальное пространство, в котором социальные слои, группы, классы и другие социальные элементы дифференцированы по степени убывания обладания властью, собственностью. Причем данные статистики показывают, что за последние 10 лет произошло резкое увеличение властного и административно-управленческого аппарата: в 2 раза. Это самый значительный рост данной социальной группы. Определенные количественные изменения претерпели специалисты высшей и средней квалификации. Что касается квалифицированных рабочих, то их доля в промышленном производстве падает [15].

Отсюда можно сделать вывод, что пока доминирующими моделями конфликта являются классовая и элитистская, что указывает на преобладание вертикальных связей, наличие высокой степени отчуждения населения от власти и центров принятия политических решений. Преобладание этих

моделей также способствует сохранению значительного потенциала социальной и политической нестабильности, чреватой самыми неожиданными исходами. Групповая модель конфликта, связанная с успешным развитием гражданского общества, плюрализмом групповых интересов, деловых и гражданских инициатив, пока только находится в процессе укрепления. Свидетельством этому является стремительное развитие теории и практики межсекторного взаимодействия и партнерства, которая постепенно утверждается в нашей общественно-политической действительности и общественной мысли [14], являющейся интегральной технологией поиска баланса интересов различных социальных сил общества – государства, бизнеса и некоммерческого («третьего») сектора.

Одним из важнейших аспектов социологического анализа политической конфликтности является исследование проблем социальной сферы, в которой реализуются социальные интересы, потребности, ожидания, мотивы и стимулы людей, определяющих во многом их включенность в общественный процесс, а также принципы и требования социальной справедливости, которые определяют удовлетворенность существующим социально-экономическим и политическим порядком. Как было сказано выше, особенности классовообразования в России привели к тому, что особую роль в нем играли и продолжает играть властно-административные структуры. Причем особенность «социальной архитектуры» состоит в существенной расколотоности двух полярных социально-экономических совокупностей – на 3% «богатых» и «сверхбогатых» и всего остального общества. Согласно данным исследований ВЭБ и НИУ ВШЭ, в руках 3% богатейших соотечественников сосредоточено свыше 90% всех финансовых активов и ресурсов РФ. А по данным Доклада швейцарского банка Credit Suisse, 10% самых богатых россиян владеет 83% всех богатств страны. При этом отмечается, что количество долларовых миллионеров в нашей стране увеличилось с 14 тыс. человек в 2010 году до 246 тыс. человек в 2019 году. Авторитетное издание Forbes предоставило свою статистику: в 2019 году его эксперты насчитали в России ровно 100 долларовых миллиардеров, а суммарное состояние 200 богатейших людей страны составило почти полтриллиона долларов. Для сравнения, 15 лет назад миллиардеров было всего 36 [11].

Основными тенденциями трансформации социальной структуры современного российского общества стали углубление социального неравенства по многим показателям (экономическое, политическое, социальное) и сохранение бедности значительной части населения. Общеизвестно, что значительным конфликтогенным потенциалом обладают такие социальные свойства систем, как характ-

тер динамики (роста/падения) материального благополучия и неравенства, роста/падения безработицы и занятости, а также бедности, особенно в условиях кризиса[10].

По состоянию на 2018 г., который является «базовым» применительно к национальной цели обеспечения к 2024 г. снижения уровня бедности в два раза, поставленной перед Правительством РФ в Указе Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204,[25] в нашей стране насчитывалось более 18 млн. чел. (или около 13%), являющихся бедными по доходам. Бедное население в России преимущественно сосредоточено в сельских территориях (51,4%, 2017 г.), хотя в последние несколько лет соотношение между городом и селом стало выравниваться.

Если же говорить о региональных различиях, то разница душевого ВВП между богатейшими регионами (напр. Москва, Санкт-Петербург) и территориями-аутсайдерами (напр., Республика Тыва, Республика Ингушетия) выше, например, чем в Китае, который известен своими региональными диспропорциями. Беднейшие регионы России уступают по среднему душевому ВВП беднейшим территориям Китая и Бразилии, лишь слегка превосходя индонезийские. В то же время богатейшие регионы нашей страны опережают по этому показателю даже американские и японские территории.

В целом, уровень монетарной бедности, выявляемый относительно фактических стандартов жизни в нашей стране (идентифицируемых величиной доходов на уровне 50%-60% медианного дохода), заметно выше уровня бедности, измеряемой на основе законодательно установленного минимального стандарта, т.е. величины прожиточного минимума. Причем основные затруднения для россиян, по причине недостатка средств, связаны с обеспечением базовых потребностей в качественном питании, обязательных расходов на жилье (жилищно-коммунальные услуги, аренда, ипотечный кредит) и др. Для значительной части россиян (более 40%) расходы на проведение недели отпуска вне дома – практически неподъемны. В ЕС доля испытывающих подобную депривацию составляет около 33% [19].

Однако проблема бедности сегодня сочетается с проблемой неустойчивой занятости. Так, по оценкам МОТ, проблема безработицы сегодня постепенно уходит на второй план, а главным вызовом для современного рынка труда в глобальном масштабе становится именно нестандартная занятость[24]. Работа в условиях нестандартной занятости в современных условиях связана с такими рисками для работников, как снижение или отсутствие социальной защищенности и низкая оплата труда (ниже, чем среди занятых на условиях стандартных трудовых договоров). По оценкам ИСЭПН ФНИСЦ РАН, неустойчивая занятость в России может охватывать более 60% работников организаций, которые

заняты неофициально (без трудового договора и пр.) и/или имеют неустойчивые условия занятости, проявляющиеся через неофициальную (частично или полностью) выплату заработной платы, отклоняющуюся от нормальной продолжительности рабочего времени, сокращение заработной платы/часов работы по инициативе работодателя и пр.[29]

Иными словами, за прошедшие почти двадцать лет, несмотря на сокращение масштабов бедности, проблема бедности в нашей стране не утратила своей остроты. Численность бедного населения, имеющего доходы ниже черты официальной бедности – величины прожиточного минимума - в период 2009 - 2018 гг., несмотря на волнообразную динамику, составляла от 15,4 до 19,6 млн. чел. По состоянию на 2018 г. уровень абсолютной монетарной бедности в нашей стране составлял около 13,0%.

Далее, в развивающихся обществах особую остроту приобретает проблема социального неравенства. Известно, что неравенство оправдано в том случае, если оно способствует индивидуальной и коллективной инициативе в развитии производительных сил, увеличению общественного продукта, уменьшению бедности и социальной нищеты. В России же стало формироваться избыточное неравенство.

Самой острой проблемой для нашей страны остается чудовищный разрыв между бедными и богатыми, причем на протяжении уже длительного времени. Пропасть между ними стремительно увеличивается, демонстрируя растущую поляризацию населения по уровню доходов. Децильный коэффициент, показывающий соотношение доходов 10% наиболее обеспеченного населения к такой же доле наименее обеспеченного, составляет сегодня соотношение 1:15 (а с учетом "теневых" доходов 1:23)[30]. Значение коэффициента Джини, который в значении от 0 до 1 измеряет неравенство в распределении доходов (т.е. при значении, равном 0, распределение доходов совершенно равномерно; чем выше показание, тем выше неравенство доходов) в 2000-2018 гг. в России было избыточно высоким и составляло от 0,395 (2000 г.) до 0,413 (2018 г.). По этому показателю Россия находится в группе стран с наиболее высоким уровнем экономического неравенства (Турция, Аргентина, Китай, Индонезия). Иначе говоря, в России сформировался избыточный уровень материального неравенства, недопустимо вызывающая дифференциация доходов и богатства. Исследования института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН показывают, что в России именно избыточное неравенство сдерживает экономическое развитие, способствует снижению рождаемости и увеличению смертности. При нормальном неравенстве Россия (при норме доходов богатых

в 7-9 раз больше, чем у бедных, но не в 15-25 раз, как у нас), уже бы имела гораздо более высокие темпы экономического роста и рождаемости [4].

Все выше приведенные факты свидетельствуют о наличии эффекта депривации базовых человеческих потребностей и структурных оснований, закрепляющих эти негативные эффекты. На влияние системы дисфункции базовых потребностей и легитимность социально-политической власти указывало резолюционистское направление в исследовании социальной конфликтности. Так, известный представитель этого направления Д. Бертон, синтезируя базовые идеи концепций структурного насилия, теории человеческих потребностей и проблемно-ориентированного метода разрешения конфликтов, особо подчеркивал, что чем больше власть имущие сдерживают удовлетворение потребностей своего электората, тем меньше у них шансов влиять на развитие социального процесса, тем больше активное сопротивление населения, потеря у него их поддержки и авторитета. Тем самым структуры власти теряют свою фактическую легитимность при формальном юридическом праве. Мера разрыва между ожиданиями и степенью удовлетворения потребностей есть мера подлинной легитимности или нелегитимности властных структур, независимо от того, как они подкрепляются законами и правовыми механизмами. Если социальные группы не удовлетворяют своих базовых потребностей в рамках существующих социальных норм и институтов, то они будут искать их удовлетворения за пределами этих границ. Это и есть глобальная причина социальных конфликтов и нестабильности в обществе [32].

Таким образом, нерешенность проблем в социальной сфере, которые во многом спровоцированы кризисными явлениями экономического развития, служит основой – в сознании большинства соотечественников – соразмерения приемлемости и действенности демократии в российских условиях. Неразрешимость социальных проблем, их своеобразное обюрокрачивание (как это произошло с выплатами врачам, работающими с COVID-19), вызывают снижение интереса населения к политике, к действенности институтов демократии, способствуют расширению пропасти между «частным» и «общественным», порождают ощущение политического отчуждения и бессилия. Важно снизить уровень и характер социальной поляризации в стране, который закрепляет адаптацию к кризисным условиям на базе нисходящей мобильности, снижения уровня свободы, заниженных ожиданий, депривации, маргинализации значительной части российских сограждан.

Проницаемость социальной проблематики в поле политических процессов уже длительное время предьявляет себя тем фактом, что существенно меняет содержание образа демократии в российском общественном сознании,

который отличается от принятого западного рационального дискурса. Многолетние исследования ИС ФНИСЦ РАН показывают, что хотя процесс формирования образа демократии в России далек еще от завершения, но одно обстоятельство бесспорно – в сознании россиян демократия сегодня предстает такой формой организации политической власти, которая, прежде всего, гарантирует социально-экономические права граждан и ведет к достойной жизни; обеспечивает законность и порядок; реализует социальную справедливость в обществе. Словом, в сознании россиян демократично то, что социально справедливо. В целом, за последние годы социально-экономический «фильтр» восприятия эффективности демократической системы в России сохранился [27] [25 лет..., 2018]. Недаром, по данным опроса ВЦИОМ, самые значимые поправки в новую Конституцию связаны именно с социальным блоком предложений: гарантия качественного и доступного медицинского обслуживания (95% «за»), обязательность регулярной индексации пенсий, пособий и иных социальных выплат (91% «за»), фиксация МРОТ не ниже прожиточного минимума (90% «за») [28].

Таким образом, проведенный анализ социологических аспектов исследования политической конфликтности, особенно применительно к России, показал, что предметом политических конфликтов в России будут выступать, прежде всего, проблемы и противоречия социального и экономического свойства, а затем уже собственно политико-государственного дизайна складывающейся политической системы, внутри которой противоборство может развернуться по поводу механизмов принятия политических решений и формирования государственной политики, а также субъектов политического действия, от имени которых и в интересах которых выстраиваются политическая и социально-экономическая конфигурация социума в целом. «Утяжеленность» собственно политической конфликтности, сопровождающей формирование демократической политической системы российского общества, комплексом конфликтов социального, экономического, этнонационального свойства, включение в ее объект и предмет этого ряда проблем и противоречий и, соответственно, социальных субъектов, сужает возможности для естественного, без откатов, продвижения и утверждения принципов демократии и ее консолидации в российских условиях, приводит к «переворачиванию» методов ее воплощения – с гражданских и государственно-демократических на элитски-бюрократические, к нарастанию антиномичности трансформационных процессов, которые приобретают «иллюзорно вялотекущий характер», который всегда грозит прерваться социально-политической дестабилизацией или катастрофой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ашин Г.К., Охотский Е.В. Курс элитологии / Г. К. Ашин, Е. В. Охотский; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД РФ. - М. : Спортакадемпред, 1999. – 366с.
2. Бейме Клаус фон Модели конфликта // Конфликты: теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследований. Алматы: Конфликтологический центр. В 3 томах. 2002. Т. 1. – 296с.
3. Бентли А. Процесс государственного управления. Изучение общественных давлений. – М.: Издательство Перо. 2012. – 408 с.
4. Бобков В.Н., Долгушкин Н.К., Одинцова Е.В. Безусловный базовый доход: размышления о возможном влиянии на повышение уровня и качества жизни // Уровень жизни населения регионов России – 2019. - Т. 213 - № 3. С. 8-24.
5. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции /О.В. Гаман-Голутвина - М.: РОССПЭН, 2006 – 446с.
6. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Э. Гидденс Социология / При участии К. Бердсола: Пер. англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М.: Эдиториал УРСС, 2005. — 632 с.
7. Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России /отв.ред. В.Г.Хорос. - М.: Эдиториал УРСС.1998 - 312с.
8. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политической свободы/ Пер. с нем. -М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2002. – 288с.
9. Динамика средних классов: между экспансией и неопределенностью. М.: Институт социальной политики НИУ ВШЭ, 2019. С. 12
10. Дмитриев А.В. Деэскалация конфликтов как путь стабилизации региональных социумов // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. - М: Новый хронограф. 2010 – 256 с. С.200-221.
11. Докучаев Д. Всемирный банк поразил расчетом богатства россиян.- Режим доступа <https://www.mk.ru/print/article/2445633/> (дата посещения 29.04.2020)
12. Лапин Н.И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социологические исследования. – 1997. - № 3. С. 3-26
13. Моска Г. Правящий класс // Антология мировой политической мысли в 5-ти томах. М., 1997. Т.2: зарубежная политическая мысль. XX в. - Москва : Мысль, 1997. - 830с. С.245-260.
14. Никовская А.И. Якимец В.Н. Институциональное развитие межсекторного партнерства в России. // ПОЛИС. (Политические исследования). – 2016. - № 5. С.37-49.
15. Особенности модернизации социальной структуры российского общества. Москва: ИС ФНИСЦ РАН. 2018. - 200 с.
16. Парето В. Компендиум по общей социологии. // Антология мировой политической мысли в 5-ти томах. М., 1997. Т.2: зарубежная политическая мысль. XX в. - Москва : Мысль, 1997. - 830с. С. 260-280.
17. Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семенов И.С. Группы интересов и российское государство. - М.: Эдиториал УРСС. 1999 -352 с.
18. Сморгун Л.В. Современная сравнительная политология.- М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2002. – 295 с.
19. Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность / Т.М. Малева, Е.Е. Гришина, Е.А. Цацура. - М.: Издательский дом Дело. РАНХиГС, 2019. - 52 с.
20. Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. Москва: Новый хронограф, 2010. – 256 с.
21. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация современной России: опыт эмпирического анализа. М.: 2007 – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/socialnaya_stratifikacia.pdf (дата посещения 10.05.2020)
22. Тихонова Н.Е. Экономическое положение и поведенческие стратегии среднего класса. // Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований. / под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир. 2016. С. 107 -130.
23. Тихонова Н.Е. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян.// Вестник института социологии РАН. – 2018. -№ 27. –С. 11-43.

24. Тюхтяева К.Г. Нестандартная занятость в современном обществе. // Успехи современной науки и образования. -2017.- № 4. С. 83-85.
25. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата посещения: 21.03.2020)
26. Ядов В.А. Какие теоретические подходы полезны для понимания и объяснения социальных реалий российского общества и России? // Россия реформирующаяся: Ежегодник - 2010. Выпуск 9. - Москва: Новый Хронограф. 2010. – 175с., С. 20-23.
27. 25 (двадцать пять) лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / [М.К. Горшков и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. — Москва: Весь Мир, 2018. — 384 с.
28. ВЦИОМ: 95% россиян считают важнейшими поправки в Конституцию о доступности медпомощи.- Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/8063201> (дата посещения 24.03.2020 марта)
29. На основе данных 27 волны РМЭЗ: «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимой Национальным исследовательским университетом "Высшая школа экономики" и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Режим доступа: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms> (дата посещения 21.04.2020)
30. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения // Росстат. –Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/13723> . (дата посещения 14.03.2020)
31. Beume, Klaus von Die Politischen Theorien der Gegenwart: eine Einfuhrung. Opladen: Westdeutscher Verlag. GmbH. 1992 -259s.
32. Burton J., Dukes F. Conflict: Practices in Management, Settlement and Resolution. N.Y.: St. Martins Press, 1990. XXIV. - 230p.
33. Michels R. Political parties: A sociological study of the oligarchical tendencies of modern democracy. N.Y. 1968- 444p.
34. Truman D.B. The Governmental Process. Political Interests and Public Opinion. N.Y.1971- 544p.

Nikovskaya L.I.
Doctorate in Sociology
Institute of sociology of the FCTAS RAS,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Russia, Moscow
nikovsky@inbox.ru

SOCIAL GROUNDS FOR POLITICAL CONFLICT

The article deals with the sociological aspects of the analysis of political conflict related to the socio-structural and subjective foundations of political processes and relations. It is shown that many problems and contradictions in the social sphere, such as social polarization, excessive inequality, poverty and violation of the principles of social justice, deprivation of basic needs and interests, unstable labor employment significantly determine the field of politics and are projected on the object and subject of political conflict, weighing down their course and positive outcomes. The insolubility of social problems and contradictions, their encapsulation cause either a decrease in the population's interest in politics, in the effectiveness of democratic institutions, contribute to the widening of the gap between "private" and "public", generate a sense of political alienation and powerlessness, or push to meet basic needs beyond the existing social norms and political institutions, to destructive forms of resolving political conflicts, which leads to a loss of control of society and social catastrophe. Sociological analysis of the subject cross-section of conflict interaction shows that a conflict based on group interests (in comparison with class and elitist) contributes more to maintaining a dynamic balance in society and realizing the positive potential of political conflict, since it is characterized by flexible intra-group connections and mobile inter-group barriers in the socio-political system. Class and elitist models of conflict tend more to vertical polarization of society, which strengthens the "discontinuous" lines of interaction between the "top" and "bottom", makes the dichotomy "rule-submission" rigid, and reduces the possibilities of dialogical plasticity and flexibility of the political system.

Keywords: social structure, stratification, social polarization, social subject, class, social group, elites, social inequality, social justice, needs, public interests, deprivation, marginalization, poverty.

Literature:

1. Ashin G.K., Oxotskij E.V. Kurs e`litologii / G. K. Ashin, E. V. Oxotskij; Ros. akad. gos. sluzhby` pri Prezidente RF, Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnoshenij (un-t) MID RF. - M. : Sportakadempress, 1999. – 366s.
2. Bejme Klaus fon Modeli konflikta // Konflikty` : teoriya i praktika razresheniya. Opy`t zarubezhny`x issledovaniy. Almaty` : Konfliktologicheskij centr. V 3 tomax. 2002. T. 1. – 296s.
3. Bentli A. Process gosudarstvennogo upravleniya. Izuchenie obshhestvenny`x davlenij. – M.: Izdatel`stvo Pero. 2012. – 408 s.
4. Bobkov V.N., Dolgushkin N.K., Odinczova E.V. Bezuslovny`j bazovy`j doxod: razmy`shleniya o vozmozhnom vliyanii na povy`shenie urovnya i kachestva zhizni // Uroven` zhizni naseleniya regionov Rossii – 2019. - T. 213 - № 3. S. 8-24.
5. Gaman-Golutvina O.V. Politicheskie e`lity` Rossii. Vexi istoricheskoy e`volyucii /O.V. Gaman-Golutvina - M.: ROSSPE`N, 2006 – 446s.
6. Giddens E`. Stratifikaciya i klassovaya struktura // E`. Giddens Sociologiya / Pri uchastii K. Berdsoill: Per. s angl. Izd. 2-e, polnost`yu pererab. i dop. M.: Editorial URSS, 2005. — 632 s.
7. Grazhdanskoe obshhestvo. Mirovoj opy`t i problemy` Rossii /otv.red. V.G.Xoros. - M.: E`ditorial URSS.1998 - 312s.
8. Darendorf R. Sovremenny`j social`ny`j konflikt. Ocherk politicheskoy svobody` / Per. s nem. -M.: «Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya» (ROSSPE`N), 2002. – 288s.
9. Dinamika srednix klassov: mezhdru e`kspansiej i neopredelennost`yu. M.: Institut social`noj politiki NIU VShE`, 2019. S. 12
10. Dmitriev A.V. Dee`skalaciya konfliktov kak put` stabilizacii regional`ny`x sociumov // Social`ny`e faktory` konsolidacii Rossijskogo obshhestva: sociologicheskoe izmerenie. - M: Novy`j xronograf. 2010 – 256 s. S.200-221.
11. Dokuchaev D. Vsemirny`j bank porazil raschetom bogatstva rossiyanc. Rezhim dostupa <https://www.mk.ru/print/article/2445633/> (data poseshheniya 29.04.2020)
12. Lapin N.I. Cennosti, gruppy` interesov i transformaciya russijskogo obshhestva // Sociologicheskie issledovaniya. – 1997. - № 3. S. 3-26
13. Moska G. Pravyashnij klass // Antologiya mirovoj politicheskoy my`sli v 5-ti tomax. M., 1997. T.2: zarubezhnaya politicheskaya my`sli. XX v. - Moskva : My`sli`, 1997. - 830s. S.245-260.
14. Nikovskaya L.I. Yakimecz V.N. Institucional`noe razvitie mezhsektornogo partnerstva v Rossii. // POLIS. (Politicheskie issledovaniya). – 2016. - № 5. S.37-49.
15. Osobennosti modernizacii social`noj struktury` russijskogo obshhestva. Moskva: IS FNISCSZ RAN. 2018. -200 s.
16. Pareto V. Kompendium po obshhej sociologii. // Antologiya mirovoj politicheskoy my`sli v 5-ti tomax. M., 1997. T.2: zarubezhnaya politicheskaya my`sli. XX v. - Moskva : My`sli`, 1997. - 830s. S. 260-280.
17. Peregudov S.P., Lapina N.Yu., Semenenko I.S. Gruppy` interesov i russijskoe gosudarstvo. - M.: E`ditorial URSS. 1999 -352 s.
18. Smorgunov L.V. Sovremennaya sravnitel`naya politologiya.- M.: «Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya» (ROSSPE`N), 2002. – 295 s.
19. Social`naya politika v dolgosrochnoj perspektive: mnogomernaya bednost` i e`ffektivnaya adresnost` / T.M. Maleva, E.E. Grishina, E.A. Czaczura. - M.: Izdatel`skij dom Delo. RANXiGS, 2019. - 52 s.
20. Social`ny`e faktory` konsolidacii Rossijskogo obshhestva: sociologicheskoe izmerenie. Moskva: Novy`j xronograf, 2010. – 256 s.

21. Tixonova N.E. Social'naya stratifikaciya sovremennoj Rossii: opyt' e`mpiricheskogo analiza. M.: 2007 – Rezhim dostupa: https://www.civisbook.ru/files/File/socialnaya_stratifikacia.pdf (data poseshheniya 10.05.2020)
22. Tixonova N.E. E`konomicheskoe polozhenie i povedencheskie strategii srednego klassa. // Srednij klass v sovremennoj Rossii. Opyt' mnogoletnix issledovanij. / pod red. M.K. Gorshkova i N.E. Tixonovoj. M.: Ves` mir. 2016. S. 107 -130.
23. Tixonova N.E. Faktory` zhiznennogo uspeha i social'nogo statusa v soznanii rossijan.// Vestnik instituta sociologii RAN. – 2018. - № 27. –S. 11-43.
24. Tyuxtyaeva K.G. Nestandartnaya zanyatost` v sovremennom obshhestve. // Uspexi sovremennoj nauki i obrazovaniya. - 2017.- № 4. S. 83-85.
25. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 07.05.2018 g. № 204 «O nacional'ny`x celyax i strategicheskix zadachax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda». – Rezhim dostupa: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (data poseshheniya: 21.03.2020)
26. Yadov V.A. Kakie teoreticheskie podxody` polezny` dlya ponimaniya i ob`yasneniya social'ny`x realij rossijskogo obshhestva i Rossii? // Rossiya reformiruyushhayasya: Ezhegodnik - 2010. Vy`pusk 9. - Moskva: Novy`j Xronograf. 2010. – 175c., S. 20-23.
27. 25 (dvadcat` pyat`) let social'ny`x transformacij v ocenkax i suzhdeniyax rossijan: opyt' sociologicheskogo analiza / [M.K. Gorshkov i dr.]; otv. red. M.K. Gorshkov, V.V. Petuxov. — Moskva: Ves` Mir, 2018. — 384 s.
28. VCIOM: 95% rossijan schitayut vazhnejshimi popravki v Konstituciyu o dostupnosti medpomoshhi.- Rezhim dostupa: <https://tass.ru/obschestvo/8063201> (data poseshheniya 24.03.2020 marta)
29. Na osnove dannyx 27 volny` RME`Z: «Rossijskij monitoring e`konomicheskogo polozheniya i zdorov`ya naseleniya NIU VShE` (RLMS HSE)», provodimoj Nacional'ny`m issledovatel'skim universitetom "Vy`sshaya shkola e`konomiki" i OOO «Demoskop» pri uchastii Centra narodonaseleniya Universiteta Severnoj Karoliny` v Chapel Xille i Instituta sociologii Federal'nogo nauchno-issledovatel'skogo sociologicheskogo centra RAN. Rezhim dostupa: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> i <http://www.hse.ru/rlms> (data poseshheniya 21.04.2020)
30. Raspredelenie obshhego ob`ema denezhny`x dohodov i karakteristiki differenciacii denezhny`x dohodov naseleniya // Rosstat. –Rezhim dostupa: <https://www.gks.ru/folder/13723> . (data poseshheniya 14.03.2020)
31. Beyme, Klaus von Die Politischen Theorien der Gegenwart: eine Einfuhrung. Opladen: Westdeuscher Verlag. GmbH. 1992 - 259s.
32. Burton J., Dukes F. Conflict: Practices in Management, Settlement and Resolution. N.Y.: St. Martins Press, 1990. XXIV. - 230p.
33. Michels R. Political parties: A sociological study of the oligarchical tendencies of modern democracy. N.Y. 1968- 444p.
34. Truman D.B. The Governmental Process. Political Interests and Public Opinion. N.Y.1971- 544p.